КНИЖНЫЙ ФО
7735
„Пров

ТУРКИ

ВНУТРЕННІЕ И ВНѢШНІЕ.

ПИСЬМО

КЪ ИЗДАТЕЛЮ „НОВАГО ВРЕМЕНИ.“

М. ДРАГОМАНОВА.

GENÈVE—BALE—LYON
H. GEORG, LIBRAIRE-EDITEUR

1876

2 91

„Пров 38“
„Пров 49“

Imprimerie Russe, Eaux-Vives, chemin Montchoisy, 26.

БИБЛИОТЕКА
[illegible]ЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
819
30

Милостивый Государь,

Въ 31 No „Молвы,“ въ статьѣ „Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ“ я между прочимъ разобралъ часть изъ тѣхъ статей, которыя помѣщались въ вашей газетѣ по „славянскому вопросу.“ Статья эта послужила поводомъ къ нападкамъ на вашу газету со стороны другихъ газетъ, между прочимъ „Голоса,“ который придалъ ей смыслъ обличенія „нечистыхъ средствъ, употребляемыхъ гг. Лихачевымъ и Суворинымъ,“ между тѣмъ какъ мнѣ не было никакого дѣла до счетовъ „Голоса“ съ гг. Лихачевымъ и Суворинымъ,—а только до тѣхъ псевдо-славянофильскихъ мнѣній, того особеннаго, такъ сказать скалозубовскаго славянофильства, желающаго всѣмъ славянамъ „фельдфебеля въ Вольтеры дать,“—которое когда то выражалось „Голосомъ,“ а теперь заняло видное мѣсто въ вашей газетѣ. Вы остались недовольны, какъ „извращеніемъ смысла“ моей статьи со стороны „Голоса,“ такъ и моими „политическими мнѣніями“ и, приглашая меня заявить, что „Голосъ“ умышленно извратилъ мою статью,“ сами обѣщали „поговорить о моихъ политическихъ мнѣніяхъ“ особо. Я исполнилъ вашу просьбу и прислалъ вамъ свое заявленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣсколько пунктовъ, о которыхъ не мнѣ одному желательно было бы получить „политическія мнѣнія“ газеты, которая не разъ

сама упоминала о своемъ „неожиданномъ даже для себя успѣхѣ.“ Вы моего заявленія не напечатали, своего обѣщанія не исполнили, а вмѣсто того, въ мимоходной замѣткѣ, „извратили“ и мои „политическія мнѣнія,“ приписавши имъ защиту мира въ теперешнее время и причисленіе славянскаго вопроса къ внѣшнимъ нашимъ дѣламъ. Нѣтъ надобности считать себя „великимъ писателемъ,” „пророкомъ,“ „пиѳіей“ и т. п., какъ вы изволите теперь обо мнѣ выражаться, — можно быть о себѣ самаго скромнаго мнѣнія, гораздо болѣе скромнаго, чѣмъ то, которое вы же сами еще недавно высказали обо мнѣ въ вашей газетѣ, — но при всемъ этомъ нельзя не счесть неотъемлемымъ человѣческимъ правомъ желанія, чтобъ мнѣній нашихъ, если ужъ ихъ удостоили вниманія, не искажали. Я имѣлъ особое основаніе ревниво относиться къ тому, чтобъ моихъ мнѣній не искажали, потому что голосъ мой, какъ бы слабъ онъ ни былъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые такъ старательно заглушаются въ русской печати и административными и столично-антрепренерскими манипуляціями: это голоса такъ называемыхъ украйнофиловъ или украинскихъ хлопомановъ, — голоса людей, которые еще съ 30—40-хъ годовъ смотрятъ на дѣло славянской свободы, какъ на свое, кровное дѣло, и въ тоже время чужды и реакціонныхъ стремленій напр. „Московскихъ Вѣд.,“ „Русскаго міра“ и разныхъ старыхъ славянофиловъ и новыхъ славяноблаготворителей, и безоглядnаго шовинизма тѣхъ, кто гораздо позже насъ замѣтилъ славянское дѣло, а теперь кричитъ о немъ, какъ о своемъ открытіи, и въ сущности только портитъ это дорогое намъ дѣло, и при случаѣ слишкомъ кавалерски перѣзжаетъ по головамъ нашимъ. Таковы, напр., и вы и ваши сотрудники, которые носились съ видимо непродуманными словами Ерошенка: „украинецъ, но не украйнофилъ,”—а совсѣмъ забыли, что украйнофилы то и были первые ваши корреспонденты изъ Герцеговины даже еще въ „Биржевыя Вѣдомости,“ — и пропустили безъ вниманія, что украйнофильство сдѣлало изъ еврея Гольдштейна „героя въ славянской войнѣ.“ Вотъ почему я обратился въ редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей” съ просьбой помѣстить письмо въ 52 строки, какъ вы для чего то сосчитали,—въ которомъ, возстановляя сущность своихъ мнѣній, сослался, кромѣ статьи, по поводу которой начался этотъ разговоръ, — еще на свою брошюру „Про українських козаків,

татар та турок," въ которой высказалъ раньше вашей газеты свой взглядъ на значеніе для нашего народа славянотурецкой борьбы и на необходимость активной помощи сербамъ и болгарамъ въ теперешней ихъ попыткѣ освобожденія. Я могъ бы сослаться еще и на другіе, еще болѣе ранніе изъ своихъ скромныхъ трудовъ.

Вы въ 228 No объявили, что „не знали и о существованіи этой брошюры," потому что „не принадлежите къ народу его, (Драгоманова) родины (курсивъ принадлежитъ вамъ)— и что оказывается, что, „считая славянскій вопросъ внутреннимъ нашимъ вопросомъ, мы, стало быть, не расходимся въ этомъ отношеніи съ „Новымъ Временемъ." Ну и богъ съ вами! — вотъ все, что я могъ бы сказать, если-бъ все дѣло шло о нашихъ личностяхъ. Не писать же мнѣ „откровенныхъ" статей въ родѣ тѣхъ, какія вы написали о г. Головачевѣ, — не спрашивать же васъ, на основаніи какихъ „политическихъ" статей вы дѣлали недавно въ вашей газетѣ весьма лестные отзывы обо мнѣ, какъ о публицистѣ, не приглашать же мнѣ напр. г. Суворина къ тому, чтобъ онъ заявилъ, что редакція „Новаго Времени" умышленно извратила" смыслъ моихъ и своихъ статей, говоря о томъ, что мы, стало быть, не расходимся съ „Новымъ Временемъ" во взглядѣ на внутреннее значеніе для Россіи славянскаго вопроса. Да, — говорю не писать же мнѣ обо всемъ этомъ, какъ потому, что мнѣ противна чисто личная полемика, такъ и потому, что вы вотъ, принадлежа къ числу немногихъ счастливцевъ — монополистовъ, которымъ дозволено имѣть свой треножникъ публицистики, сосчитали, сколько строкъ я занялъ даже и въ чужой газетѣ! Я и эти послѣднія строки написалъ съ тяжелымъ сердцемъ единственно потому, что считаю небезполезнымъ подчеркивать пріемы обращенія всякаго литературнаго хозяина - монополиста съ нашимъ братомъ, простымъ работникомъ, — даже такого, который, выступая на хозяйство, хвастался, что вотъ, молъ, — я издатель-литераторъ, не то что другіе — промышленники *).

Но вы рѣшились написать слѣдующія строки:

---

*) Я остановлюсь только вотъ на чемъ. Ну,—не будемъ спорить,— пусть ужъ вы не знали моей брошюры. Но, если вы „русскій а особенно славянскій публицистъ, а не своего рода великорусскій „сепаратистъ," или лучше партикуляристъ, съ централистическими замаш-

„Г. Драгомановъ становится въ позицію стратега и пророка и говоритъ, что если общество славянское и русское не поймет тѣсной связи между внутренними дѣлами Россіи и славянскимъ вопросомъ, то оно „подвергнетъ сомнѣнію, какъ начало, такъ и благопріятный исходъ даже самыхъ военныхъ дѣйствій, если они наконецъ будутъ начаты со стороны Россіи." Эта туманная фраза должна быть очень глубокомысленна, но мы ее совсѣмъ не понимаемъ. Если г. Драгомановъ хранитъ въ своей душѣ такіе большіе секреты, отъ которыхъ зависитъ даже судьба военныхъ дѣйствій, то не мѣшало бы ему подѣлиться ими съ публикою не въ этой формѣ пиѳическихъ рѣчей и сивиллиныхъ

ками, которыя вы неправильно считаете за панруссизмъ или даже за панславизмъ, то вы должы бы знать хоть тотъ матерьалъ, изъ котораго она почти вся состоитъ, а именно народныя украинскія и галицкія преданія, пѣсни и думы о борьбѣ съ турками и татарами. Ихъто вы ужъ должны знать, — послѣ того, какъ вы цитировали съ восторгомъ даже салдатско-канцелярскія подѣлки подъ народныя пѣсни о войнѣ съ турками, фабрикованныя въ XVIII вѣкѣ. Вы должны бы знать эти пѣсни и преданія народа моей родины, если не потому, что вы же писали въ вашей газетѣ обо мнѣ, какъ объ издателѣ ихъ, и даже если не потому, что объ нихъ знаетъ ученый міръ въ Европѣ и Россіи (гдѣ недавно объ изданіи ихъ сдѣлала свой приговоръ академія наукъ), такъ хоть потому, что, по газетнымъ извѣстіямъ, теперь, въ виду войны, народъ и лирники на югѣ Россіи живо вспоминаютъ эти пѣсни и преданія старой украинской козаччины. А не мѣшаетъ припомнить, что въ теперь мобилизованной будущей дунайской арміи (трехъ округовъ—кіевскаго, одесскаго и харьковскаго) почти всѣ солдаты — украинцы. Самыя элементарныя требованія политической педагогіи должны бы заставить васъ, если вы точно „русскій" и славянскій публицистъ, обратить вниманіе на преданія народа, изъ котораго взята эта армія. А впрочемъ, — можетъ, вамъ канцелярскія преданія, и писарская поэзія больше по душѣ, чѣмъ народно-козацкія. — Вѣдь забыли же вы недавно, обозрѣвая исторію стремленія Россіи къ освобожденію славянъ, даже взятіе Азова вашими казаками, донцами, вмѣстѣ съ нашими, — хотя не забыли же вы поставить въ числѣ дѣятелей для славянской свободы даже Ивана III, который хоть и убѣжалъ отъ Ахмета, за то съумѣлъ для достиженія спеціальныхъ московско-владѣльческихъ цѣлей опустошить славянскій Новгородъ и Вятку и приготовить нѣмцамъ и шведамъ господство на Балтійскомъ морѣ, и насылать Менгли-Герея на „литовскіе" города Кіевъ и Черниговъ и потомъ крымцамъ вмѣстѣ съ турками устроить второе, едва ли не можженное изданіе батыевщины для всего юга Руси. Или и вы считаете Кіевъ—„литовскимъ" городомъ, а Украину только за нашу одину, а не вашу? — E sempre bene, господа!

книгъ. Полагаемъ, что г. Драгоманову еще рано садиться на треножникъ, да и мебель эта въ наши дни возбуждаетъ не то чувство, какое возбуждала у древнихъ."

Правду говоря, первое, что намъ пришло въ голову, при чтеніи этихъ строкъ, — это слово одного героя украинской комедіи: „лукавиш, серденько, а добре розумійеш"! Нашлись же другіе, которые поняли хоть бы, напр., и ту статью, въ которой вы тоже находили неясные „намеки." Далѣе, — не странно ли и даже не смѣшно ли, видѣть чувство самодовольства, съ которымъ русскій публицистъ, сидящій не только на треножникѣ, но и на сковородѣ „независящихъ отъ редакціи обстоятельствъ," требуетъ отъ своего собрата ясной рѣчи и открытія „хранимыхъ въ душѣ секретовъ." Однако мы готовы повѣрить искренности вашего непониманія и вашихъ вопросовъ и открыть наши секреты, — и вмѣстѣ съ тѣмъ дать вамъ еще одинъ случай объяснить наконецъ давно уже недоумѣвающей насчетъ вашихъ „политическихъ мнѣній" публикѣ, что вы понимаете подъ словами „внутреннее значеніе для насъ славянскаго вопроса," и даже „параллельное развитіе славянскихъ дѣлъ и нашихъ внутреннихъ," о которомъ вы наконецъ заговорили въ замѣткѣ обо мнѣ, — хотя до сихъ поръ публика не могла вывести изъ всѣхъ вашихъ словъ ничего, кромѣ развѣ видовъ на увеличеніе „внутренняго употребленія" турецкаго табаку, — такъ какъ никакой программы внутренней политики въ вашей газетѣ не было и слѣда!

Вы врядъ ли хорошенько обдумали вашъ вызовъ. Но не смотря на всю его фельетонную форму, я вамъ очень за него благодаренъ. Въ самомъ дѣлѣ: пора намъ говорить открыто, уже не намеками, хотя бы и ясными для умѣющихъ понимать ихъ, — а твердыми и прямыми словами, какъ прилично людямъ свободнымъ и убѣжденнымъ. Пора и вамъ, господа публицисты столичныхъ журналовъ, показать, „какого вы духа есте," и объявивъ свои программы, если вы ихъ имѣете, принять на себя отвѣтственность передъ всѣми за ваши убѣжденія. Если же вы таковыхъ не имѣете, и если вся ваша программа состоитъ въ томъ, чтобы, лавируя между разными партіями и инстинктами общества и колеблющимися дуновеніями изъ главнаго управленія по дѣламъ печати, какъ можно болѣе собрать и сохранить денегъ за подписку, — то пора обществу въ этомъ и убѣдиться окончательно.

Секретъ, открытія котораго вы требуете отъ меня, довольно простъ,—и хотя онъ далеко не лекарство отъ всѣхъ болѣзней, но въ данномъ случаѣ, въ предстоящей борьбѣ за національное освобожденіе двухъ народовъ славянскихъ, весьма можетъ быть пригоденъ. Для названія его нѣтъ надобности даже въ 52 словахъ, а довольно и двухъ. Секретъ этотъ называется—

Политическая Свобода!

Только эта политическая свобода: всенародное, земское представительство, съ контролемъ надъ дѣйствіями исполнительной власти, съ неприкосновенной свободой лица, слова, сходокъ, обществъ,—и можетъ обезпечить хоть сколько нибудь согласіе дѣятельности правительства съ національными интересами и общественнымъ мнѣніемъ, своевременность проявленія этой дѣятельности, не ждущей, чтобъ турки вырѣзали десятки и сотни тысячъ братьевъ нашихъ прежде, чѣмъ мы надумаемся помочь имъ,—а также только политическая свобода можетъ хоть сколько нибудь охранить нашего солдата отъ тѣхъ злоупотребленій и хищничества, которыя были причиною неудачи восточной войны 1854 — 56 гг. Уже въ маломъ видѣ, въ дѣлѣ помощи сербамъ, мы могли поучиться тому, что за люди успѣли всплыть на верхъ штабнаго и гошпитальнаго завѣдыванья дѣлами, и какъ начали уплывать деньги, корнія, одѣяла; — посмотримъ, что будетъ, когда настанетъ война, — не „станетъ ли опять Богъ на Араратѣ смотрѣть, какъ крадутъ въ комиссаріатѣ," не придется ли опять сочинять пѣсеньки въ родѣ: „А какъ третьяго числа насъ нелегкая несла" — и кончать ихъ опять крѣпкимъ словцомъ тѣмъ,—„кто туда водилъ!"

Говорятъ, — теперь такъ не будетъ. Дай богъ; — но это будетъ счастье: вѣдь одинаковыя причины производятъ одинаковыя слѣдствія, а нашъ политическій строй и теперь совершенно таковъ же, какъ и до паденія Севастополя.

Только политическая свобода дѣйствительно введетъ саму Россію въ кругъ европейскихъ странъ и положитъ начало устраненію и въ самой Россіи бѣдъ одного порядка съ тѣми, которыя возмущаютъ насъ въ Турціи, — а именно истощеніе народа всякими поборами, начиная съ отсталой,

аристократической, давно уже осужденной и земствомъ и печатью податной системы, кладущей всю тяжесть государства на мужика, этого русскаго райю, — произволъ чиновниковъ, отсутствіе гарантій личности, національная и религіозная нетерпимость. Бѣды эти очень застарѣлы, къ нимъ до безчувствія приглядѣлись мы и не возмущаемся ими, хотя многія проявленія ихъ стоятъ своего рода „жестокостей въ Болгаріи" и хотя онѣ часто напоминали о себѣ и въ послѣднее время. Вѣдь въ послѣдніе полтора года, когда началось герцеговинское возстаніе, произошли аграрные „безпорядки" въ Чигиринскомъ уѣздѣ, гдѣ опустошена и обезлюдена цѣлая область, въ Воронежской губерніи, гдѣ сенаторъ Клушинъ получилъ права паши, а на сѣверѣ Черниговской губерніи продолжался хроническій голодъ отъ аграрныхъ порядковъ; вѣдь въ послѣдніе годы до 2000 человѣкъ было безъ суда заперто въ убійственные казематы, сослано административнымъ порядкомъ въ дальнія губерніи, состоялось нѣсколько съ самой умѣренной точки зрѣнія варварскихъ приговоровъ по политическимъ дѣламъ (напр. приговоръ 17 лѣтней дѣвушки къ каторжной работѣ за о д н у соціалистическую брошюрку, какихъ въ Западной Европѣ обращаются въ публикѣ тысячи). Въ самый разгаръ нашего газетнаго похода на турокъ и мадьяръ не переставали сыпаться щедрою рукою прдостереженія газетамъ; пять газетъ подверглись временному, одна, и при томъ подцензурная (Кіевскій Телеграфъ) — совершенному закрытію (а между тѣмъ еще во время кандійскаго вопроса кн. Горчаковъ писалъ, что печать въ Россіи свободна, такъ какъ правительство поставило себѣ цѣлью развитіе въ русскомъ обществѣ самоуваженія); цензура не допустила къ печати нѣсколько русскихъ переводовъ ученыхъ сочиненій, обошедшихъ всю Европу; полицейскою бумагою закрыто ученое общество, труды котораго хвалила русская, славянская и западно-европейская печать (кіевскій отдѣлъ географическаго общества); — изъ судовъ Польши изгнанъ народный языкъ; совершенно запрещено печатаніе не только книгъ на малорусскомъ языкѣ, но и текстовъ къ нотамъ и даже исполненіе малорусскихъ пѣсенъ въ концертахъ; русскіе сектанты тщетно ждали свободы вѣроисповѣданія, а мирные проповѣдники напр. штундизма, называющіе себя „русскими братьями," сидѣли въ тюрьмахъ и монастыряхъ. — Въ самое послѣднее время, подъ

шумъ восточнаго вопроса, изданъ давно осужденный и осмѣянный даже русской печатью законъ объ усиленіи власти администраторовъ, предоставляющій генералъ - губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ право издавать разъясненія и дополненія законовъ, — обратившій россійскую имперію въ какую - то децентрализованную помпадурію и собственно положившій конецъ всякой тѣни самостоятельности земскихъ управъ и думъ городскихъ; оживилась коммиссія по пересмотру университетскаго устава, т. е. по уничтоженію всякой самостоятельности университетовъ — и все это какъ нарочно, чтобъ показать, что общественное мнѣніе въ Россіи ровно ничего не значитъ; — наконецъ, вѣроятно въ видѣ отплаты мусульманамъ балканскимъ, издано запрещеніе быть учительницами дѣвицамъ мусульманкамъ, хотя бы и выдержавшимъ на то установленныя испытанія, — мѣра, которую могъ присовѣтовать кто нибудь только для того, чтобъ оскандализировать правительство, добивающееся равноправія христіанъ и магометанъ въ Турціи.*)

Неужели же все это и многое другое въ такомъ родѣ — не признаки турецкихъ порядковъ въ Россіи? Конечно, многое въ Турціи гораздо рѣзче, — но на то она и Турція. Но за то въ Турціи есть воля хоть переходить изъ одной гяурской секты въ другую, а кромѣ того даже г. Катковъ насчиталъ не очень давно въ Турціи больше народныхъ школъ, чѣмъ въ Россіи, а вы сами сознались, что розничная продажа газетъ въ Константинополѣ вольнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. А по всему этому развѣ мы, славяне россійской имперіи,— великоруссы, малоруссы, поляки, — не въ правѣ сказать, что и мы нуждаемся и „въ дѣйствительныхъ реформахъ," и въ „прочныхъ гарантіяхъ ихъ исполненія," какими въ государствѣ, не желающемъ, чтобъ его признали тоже больнымъ человѣкомъ, можетъ быть только самоуправленіе самого населенія и политическая свобода.

---

*) Того же порядка двѣ мѣры, благополучно дѣйствующія уже нѣсколько лѣтъ: это—недопущеніе къ педагогической службѣ въ гимназіяхъ и университетахъ евреевъ, хотя бы и кандидатовъ и докторовъ, имѣющихъ по закону равныя права службы съ христіаниномъ, и недопущеніе поляковъ въ русскіе университеты больше чѣмъ 10% всѣхъ слушателей; въ Кіевскомъ 20%, — для того, вѣрно, чтобъ не обрусѣли. А мы уже и не знаемъ, какого нравственнаго порядка огульное оскорбленіе и при томъ частнаго, а вовсе не политическаго характера, нанесенное въ 1873 г. русскимъ студенткамъ въ Цюрихѣ!

Но мало того, — отсутствіе политической свободы въ Россіи и присутствіе въ ней турецкихъ порядковъ, не говоря уже о тяжести ихъ для всѣхъ славянскихъ и не славянскихъ народовъ, населяющихъ эту обширную имперію, — составляютъ главную причину, почему еще существуетъ Турція въ XIX в. Почему Россія такъ охотно попадала „въ сѣти западной дипломатіи," какъ говорятъ недогадливые русскіе патріоты? — Потому что, со временъ французской революціи, отошли на второй планъ „крестовые походы," „греческіе прожекты" и т. п. страшныя для Турціи старыя слова, а на первый планъ выступили: съ одной стороны интересы свободы народовъ и народностей, съ другой интересы существующей власти. Съ тѣхъ поръ, какъ „Екатерининскіе орлы" и „козаки" пошли вмѣсто Дуная на Альпы „спасать троны и алтари, поколебленные превратными французскими идеями," существованіе Турціи и луна на св. Софіи обезпечены были на долго.

Я довольно ясно для каждаго, знающаго хоть сколько нибудь новѣйшую исторію, намекнулъ на сходство восьмилѣтняго терпѣнія со стороны Россіи, какъ члена метерниховскаго Священнаго Союза, рѣзни грековъ 1821 — 28 гг. съ теперешнимъ миролюбивымъ попущеніемъ сербо-болгарской рѣзни въ теченіи полутора года, во время бисмарковскаго „союза трехъ императоровъ." Но вы почему то пропустили этотъ довольно ясный намекъ. Неужели же вы не понимаете, гдѣ причина перевѣса „сѣтей дипломатіи надъ историческими стремленіями русскаго народа"? Государство, въ которомъ подъ видомъ самодержавія, господствуетъ своеволіе чиновниковъ, въ которомъ даже въ податной системѣ существуютъ еще сословныя привилегіи, въ которомъ господствуетъ система насильственнаго обрусенія всѣхъ невеликорусскихъ элементовъ, полицейская охрана господствующей церкви и нѣтъ самой элементарной личной неприкосновенности, — государство, въ которомъ даже правящіе не могутъ же не видѣть непрочности такого порядка вещей въ наше время, а потому не могутъ не взирать со страхомъ на всякое свободное движеніе около себя, хотя бы и противъ Турціи, — такое государство не можетъ ревностно служить дѣлу свободы и самоуправленія славянскихъ и неславянскихъ племенъ даже подъ Турціей.

Конечно, совершенно отказаться отъ того, къ чему стремился сотни лѣтъ русскій народъ, къ чему онъ началъ стре-

миться въ лицѣ казаковъ украинскихъ и потомъ донскихъ раньше правительства, никакое русское правительство не въ силахъ. Но было бы противуестественно, чтобы подобное правительство обнаруживало большую ревность къ установленію прочной свободы по сосѣдству съ собою; было бы противуестественно, чтобы къ нему съ довѣріемъ относились болѣе образованные слои подчиненныхъ туркамъ населеній, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе патріотично настроены; — неестественно, чтобы и это правительство могло быть дружественно настроено къ этимъ слоямъ, — къ разнаго рода славянскимъ, румынскимъ, греческимъ о м л а д и н а м ъ, которыя, конечно, не для того же хотятъ низвергнуть иго турокъ, чтобы замѣнить его другимъ.

Все это, конечно, не можетъ не мѣшать энергіи и единству дѣйствій противу-турецкихъ силъ, какъ это мы видѣли не только въ теченіи всего XIX вѣка, но и въ послѣднюю сербо-турецкую кампанію. Передъ войною упорно ходили слухи о нерасположеніи русскаго правительства къ конституціонной и въ тоже время найболѣе національной сербской партіи г. Ристича, о томъ, что русскіе дипломатическіе агенты предостерегали черногорскаго князя противъ „сѣтей омладины". А во время войны сербы боялись, что Черняевъ поможетъ Милану произвесть противоконституціонный переворотъ, а самъ Черняевъ имѣлъ безтактность сказать въ рѣчи, произнесенной при провозглашеніи Милана сербскимъ королемъ, о томъ, что армія сербская должна дѣйствовать и противъ внутреннихъ враговъ, намекая на конституціонную партію, какъ по крайней мѣрѣ разъяснили этотъ намекъ русскія газеты, въ томъ числѣ и ваша, говорившая о враждебности къ Черняеву этой конституціонной партіи, — т. е. именно той, которая и была всегда партіей всесербской патріотической войны. Вы еще намекали, что эта партія не очень то дружественно настроенна къ Россіи и русскимъ вообще. Откуда же взялось это недружелюбное настроеніе? Вслѣдствіе господства въ сознаніи всѣхъ образованныхъ людей въ Европѣ извѣстнаго рода политическихъ идей, никакое государство, построенное на развалинахъ Турціи, не можетъ не быть устроено иначе на началахъ конституціонныхъ. И самодержавная Россія должна была принимать участіе въ устроеніи конституціи Греціи и Румыніи, должна вѣдаться съ конституціонной Сербіей. Но искренняго сочувствія и довѣрія между свободнымн политическими партіями

въ этихъ странахъ и русскими политическими людьми быть не можетъ вслѣдствіе разницы началъ, на которыхъ держится государственная жизнь Россіи съ одной стороны, и Сербіи, Румыніи и Греціи съ другой. Напротивъ между ними всегда будетъ недовѣріе. Если чисто политическія комбинаціи заставятъ Россію добиться такой или иной автономіи Герцеговины, Босніи, Болгаріи, — произойдетъ тоже самое и съ ними, а ужъ особенно всякій видъ покровительства со стороны теперешней Россіи балканскимъ государствамъ, — повелъ бы за собою только повтореніе отношеній между конгрессовой Польшей и Россіей Николая I-го или же по меньшей мѣрѣ остановилъ бы въ такой же степени развитіе этихъ странъ и ихъ учрежденій въ свободномъ духѣ, какъ это дѣлается съ Финляндіей. Во всякомъ случаѣ вліяніе теперешней Россіи на освобожденныхъ отъ турокъ славянъ, — если бы это освобожденіе и совершилось, могло бы быть только самое вредное и вызвало бы въ сербахъ, а далѣе и въ болгарахъ только ненависть, которая легко перенеслась бы и на самое русское общество.

Эту противуестественность, это противурѣчіе между тѣмъ, что называется „историческою миссіей Россіи" — (изгнаніе турокъ изъ Европы), — и турецкими порядками въ самой Россіи отлично понимаютъ всѣ „друзья турокъ на гниломъ Западѣ", начиная отъ Меттерниха блаженныхъ временъ,— и оканчивая теперешними нѣмецкими газетами противуславянскаго направленія и англійскими партіи Д'Израели. Всѣ эти господа пугаютъ съ одной стороны Европу русскимъ кнутомъ, — а съ другой русское правительство „панславистическимъ революціонаризмомъ", демократизмомъ сербской омладины и великорумунской партіи. Развѣ не ясно, въ чей огородъ кидалъ камушки Д'Израели, говоря о томъ, что все сербское дѣло подняли тайныя общества? Вамъ, господа петербургскіе публицисты, былъ опять случай показать себя свободными людьми, а не лакеями, и разъяснить двойную гнусность этого иностраннаго доноса, хоть намекомъ указавъ на тотъ кредитъ, какой имѣютъ въ Россіи внутренніе доносы. Но вы опять пропустили этотъ случай, какъ пропустили случай потребовать себѣ большей свободы, когда англійская торійская печать замѣтила, что какъ въ Россіи нѣтъ свободы печати и лица, то по этому русское правительство само направляетъ печать и волонтеровъ на Турцію. Вы показали видъ, что „много довольны" внутрен-

ними порядками, что вы вполнѣ свободны въ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ, что въ Россіи доносы не дѣйствуютъ и страха тайныхъ обществъ и демократическихъ идей никто въ Россіи не испытываетъ. На дняхъ и лордъ Лофтусъ вслѣдъ за своимъ премьеромъ попробовалъ попугать наше правительство сербскимъ и румынскимъ либерализмомъ, замѣтивъ, что ставши самостоятельными, эти сосѣднія съ Россіей страны, станутъ своего рода Польшами, даже превратятся въ республики, и „обѣ не будутъ способствовать спокойствію и безопасности сосѣднихъ державъ". Какъ видите очень тонко!

И чтожъ? Такія запугиванія очень хорошо дѣйствуютъ! Лордъ Лофтусъ получилъ отвѣтъ, — что по мнѣнію русскаго правительства полная самостоятельность Румыніи и Сербіи, (тѣмъ паче, значитъ, Болгаріи), какъ королевствъ, есть „глупость," «une sottise» какъ счелъ долгомъ поцитировать англичанинъ, и русское правительство пристало къ дербіевскому проэкту какой то „административной автономіи" Босніи, Герцеговины и Болгаріи, хотя понимаетъ эту автономію какъ-то по своему, въ болѣе широкомъ смыслѣ.

И такъ все, что говорилось славянофилами о полномъ освобожденіи братьевъ, все до титула „король сербовъ", съ которымъ такъ носились вы, вслѣдъ за ген. Черняевымъ, — все, о чемъ мечтали энергическіе люди у самихъ сербовъ и болгаръ, — все это признано „глупостью". Не глупость — это „административная автономія", хотя и подъ гарантіею державъ, на которую теперь согласенъ и Д'Израели! Это значитъ — правленіе предстоящихъ расплодиться въ Босніи, Герцеговинѣ, и Болгаріи классовъ христіанскихъ кулаковъ и мелкихъ чиновниковъ, въ добавокъ еще правленіе не имѣющее выгодъ полной государственной самостоятельности, при которой хоть есть надежда на то, что народъ страны хоть когда нибудь подучитъ то правленіе, какое хочетъ. Надъ этой административной автономіей останется и власть султана и его чиновниковъ, и еще опека всѣхъ консуловъ, которые деньгами и интригами будутъ дѣлать себѣ изъ этихъ кулаковъ и чиновниковъ партіи: турецкую, русскую, австрійскую, англійскую, прусскую и т. д.

Вотъ какое освобожденіе внесетъ къ братскимъ народамъ оффиціальная Россія, объявивши ихъ завѣтныя мечты „глупостью". И люди, претендующіе быть представителями „неоффиціальной Россіи" будутъ имѣть духъ превозносить подобную славянскую политику, которая попустивъ смерть

десятковъ тысячъ сербовъ и болгаръ, и нѣсколькихъ тысячъ русскихъ добровольцевъ, выступаетъ съ такою программою!

Въ этомъ поведеніи или нѣтъ никакого человѣческаго достоинства и смысла, или оно есть результатъ иностранной интриги, искусно пользующейся страхомъ деспотическаго правительства ко всякой свободѣ, или же „оффиціальная Россія" макіавеллистически разсчитала, что во время поддержанные сербы и болгаре, не переживъ бойни и раззоренія, стали бы скоро на свои ноги и сдѣлались бы сами завязью всеславянской свободы, болѣе достойною надеждъ славянства, чѣмъ теперешняя Россія. Во всякомъ изъ этихъ трехъ случаевъ поведеніе „оффиціальной Россіи" въ теченіи всего послѣдняго движенія не заслужитъ благодарности славянства, и если теперь измученные сербы и болгары, скрѣпя сердце, еще находятъ въ себѣ силы восхвалять „старшаго брата" славянской семьи, то только потому что утопающій хватается не только за соломинку, но и за бритву.

Впрочемъ и „неоффиціальная Россія" показала, что она сродни „оффиціальной", — или лучше сказать продукты оффиціальной Россіи въ томъ, что вы и вамъ подобные безъ разбору провозгласили Россіей народной, закрыли среди русскихъ добровольцевъ представителей дѣйствительно порядочной и дѣйствительно народной Россіи, какъ у насъ всегда бываетъ и какъ всегда будетъ пока не будетъ политической свободы, — единственнаго условія для группировки чистыхъ людей и разъясненія чистыхъ идей искреннимъ, но мало образованнымъ людямъ. А славянскіе вопросы по особой ихъ сложности и связи съ внутренними дѣлами національными, религіозными, политическими и соціальными такъ трудны для обсужденія въ Россіи чистыми людьми, что нѣтъ ничего удивительнаго, если до сихъ поръ въ нашемъ славянофиліи преобладалъ всегда и теперь всплылъ на верхъ обскурантный и ташкентскій элементъ. Мы говоримъ о нашихъ добровольцахъ въ Сербіи, съ которыми откупщики и прикащики нашей печати и даже нѣкоторые болѣе порядочные, но не дальновидные люди, носились, какъ съ призракомъ, — не знаемъ уже и которымъ по счету, — „зрѣлости нашего общества", началомъ самостоятельности его въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ. Вы впрочемъ и тутъ остались вѣрны себѣ и, не смотря на небезвыгодную для васъ репутацію слегка оппозиціоннаго журналиста, воротившись

изъ Сербіи, сдѣлали такой только выводъ изъ всего этого общественно-добровольскаго дѣла, — что молъ „общественное движеніе въ пользу сербовъ доказало, что правительство можетъ опереться на общество, если захочетъ выступить активно". — А если не захочетъ? — то при чемъ тутъ „общественная самостоятельность?"

Да, хвастаться этой самостоятельностію нечего! Зрѣлое и самостоятельное общество заставило бы правительство послать на Дунай 200 — 300,000 арміи, а не ограничилось бы отправкою 5—10,000 волонтеровъ изъ 55—60 милльоновъ однихъ русскихъ племенъ. Да и эта отправка произошла только благодаря „попущенію" правительства, и теперь уже стѣсняется администраціей и полиціей, а высшимъ авторитетомъ этотъ „знакъ русской общественной зрѣлости" названъ опытомъ „вылить холодной воды" (de jeter de l'eau froide — какъ цитируетъ не безъ юмора лордъ Лофтусъ въ своей интересной депешѣ,—was his Majesty's expression) на славянскій энтузіазмъ русскаго общества, — опытомъ, который и удался, такъ какъ по словамъ высшаго авторитета „очень много русскихъ офицеровъ убито, и энтузіазмъ (русскихъ) къ сербамъ сильно понизился". Не потому ли и ультиматумъ, остановившій Абдулъ Керима уже тогда, когда легло столько головъ сербскихъ и русскихъ, явился такъ поздно, не смотря на то, что въ газетахъ, имѣвшихъ близкое отношеніе къ Черняеву, уже за недѣлю до него были печатаемы отчаянныя телеграммы, — чтобъ опытъ обливанія холодной водой русскаго общества удался лучше? Согласитесь, что странѣ, въ которой возможны подобные опыты, что обществу, о которомъ можно такъ говорить, — далеко до того, чтобъ хвалиться своею зрѣлостью и самостоятельностью? *).

---

*) Любопытно, какъ нѣжно передаютъ русскіе газеты эти любезныя слова: „ sottise " и „ jeter de l'eau froide. " Въ „Спб.-Вѣдом." „глупость," переведено „большимъ промахомъ," а „окатить холодной водой" — охладить пылъ движенія; въ „Нов. Времен." — „успокоить умы"! Любопытно также, что чужой человѣкъ, „ Times " выразился о разговорѣ главы русскаго правительства съ Лофтусомъ, — что первый говорилъ „съ любезностью, не имѣвшею въ виду выказать русскую гордость." Да, гдѣ жъ тутъ русская гордость! Тутъ и искры уваженія къ русскому народу нѣтъ, потому что нѣтъ и зерна сознанія своей къ нему принадлежности! — Такъ говорилъ баринъ о своей дворнѣ. А русская печать смолчала съ истинно-холопской тупостью нервовъ. Неужели же притупились нервы и у общества?!

...ИС... ...ЕНИ... ...АДЕМИИ.

Но посмотримъ ближе, — какія начала принесли съ собою въ среду болканскихъ славянъ, эти посланцы неоффиціальной Россіи, добровольцы „зрѣларо" русскаго общества. Объ нихъ мало говорили до сихъ поръ, — все больше или хвалили за энтузіазмъ и храбрость или бранили за безобразничанье и пьянство, прибавляя при этомъ, что „въ семьѣ не безъ урода" и указывая на ихъ храбрость, достаточно выкупающую пьянство въ глазахъ русскихъ людей; —а въ послѣднее время хотя и поднялся крикъ о безпомощности положенія русскихъ добровольцевъ, о безпорядочномъ съ ними обращеніи, — но и эти крики могутъ быть утишены указаніями, что послѣ пораженія арміи на голову вездѣ бываютъ безпорядки, жалобы и т. п. Тутъ же къ стати нечистота пріемовъ всякихъ Бильбасовыхъ даютъ вамъ и вамъ подобнымъ дешевые лавры, — (при чемъ вы читаете вашимъ товарищамъ по газетной печати мораль о приличномъ для публициста поведеніи, которое сами соблюдать не думаете), — и „подвигъ русскаго народа въ дѣлѣ помощи сербамъ и болгарамъ" все остается величественнымъ! Правда вы съ самаго начала наталкнулись на явленія по серьезнѣе, чѣмъ пьянство уродовъ семьи, — на битье русскими офицерами болгарскихъ волонтеровъ, — но вы поспѣшили сейчасъ же успокоить публику замѣчаніемъ: „такой ужъ мы народъ: зубы побьемъ, а все таки освободимъ". И надъ вами даже мало кто посмѣялся и почти никто не спросилъ: „отъ чего освободимъ? отъ мордобитій?!" И критика поведенія однихъ нашихъ добровольцевъ и положенія другихъ не поднялась до сихъ поръ выше обличенія излишняго употребленія ракіи „уродами въ семьѣ" и не выдачи подводъ „даже офицерамъ", какъ говорятъ жалующіеся въ „Голосѣ". Только генералъ Новоселовъ рѣшительно и по всѣмъ пунктамъ обвиняетъ распоряженія генерала Дандевеля, — но публика готова увидѣть въ этихъ обвиненіяхъ только пикировку двухъ генераловъ.

По сербскимъ газетамъ, и по письмамъ сербовъ въ русскія газеты ничего не поймешь; пишущіе для печати сербы, по расчету ли, или по хозяйской вѣжливости, но не говорятъ о нашихъ даже того, что говорятъ наши газеты, — которыя далеко не платятъ сербамъ подобною же сдержанностью оносительно нихъ. Только въ кой-какихъ корреспонденціяхъ, да въ прорывахъ, въ родѣ вашего сообщенія о мордобитіяхъ, раздаваемыхъ болгарамъ, мелькаютъ черты

„родного быта,“занасеннаго нашими осводителями на Саву, Мораву, на тихій Дунай. Но за то эти черты ярки въ письмахъ и разсказахъ самихъ добровольцевъ нашихъ, — и будетъ время, когда правда откроется передъ нашимъ обществомъ, будетъ время, когда сербы откровенно перекрестятся и скажутъ: „ну, избавилъ насъ богъ и отъ константинопольскихъ и отъ русскихъ турокъ!“

Нашихъ добровольцевъ нельзя конечно сваливать въ одну кучу. Былъ среди нихъ процентъ людей, искренно и сознательно шедшихъ послужить дѣлу народной свободы, — но многіе изъ такихъ прямо и говорили тоже, что тургеневская Елена: „что дѣлать въ Россіи?“ Это, конечно, не ваши. Голосовъ, выражавшихъ ихъ взглядъ на дѣло въ русской печати почти не было слышно. Мало того, ихъ голоса не очень то могли быть слышны и въ Сербіи, — и не они стояли въ главѣ дѣла. За тѣмъ честно и искренно шли крестьяне и значительная часть солдатъ. Эти шли „за вѣру пострадать“, „честный крестъ“ оборонять. Это тоже не ваши, господа петербургскіе публицисты; хоть вы и вторили православной нотѣ во всемъ этомъ движеніи, но вторепіе это, конечно, лицемѣріе, и лицемѣріе мало достойное! Но и эти несчастные страдальцы „за крестъ“ не стояли въ главѣ дѣла, — они были только матеріей дѣйствія.

Во главѣ дѣла стали русскіе офицеры, изъ коихъ многіе прямо говорили: — „мнѣ все равно“, — „некуда дѣваться“, да генералы, да агенты славянскихъ комитетовъ. Конечно, и между офицерами были люди порядочные, но весьма любопытно, что безобразничать начали офицеры, юнкера и вообще „благородные“; они увлекли и „простыхъ“, изъ которыхъ даже пьяницы давали зарокъ „не пить“, — а главное, что изъ этихъ то благородныхъ выплили на верхъ имеино „бурбоны“, что именно бурбоновъ понасылали наши особенно столичные, славянскіе комитеты въ качествѣ уполномоченныхъ, — и что по этому именно бурбоны дали окраску всему поведенію русскаго отряда въ Сербіи. А какъ сербское правительство отказалось отъ всякой власти надъ русскими добровольцами, — то наши несчастные освободители братьевъ отъ турецкаго ига, попали именно подъ иго бурбонскаго элемента, ничѣмъ уже не сдерживаемаго и въ добавокъ прошедшаго школу совсѣмъ уже безконтрольнаго насилія на Кавказѣ, въ Польшѣ, во внутренней Азіи. Письма и разсказы добровольцевъ, вполнѣ достойныхъ вѣры, го-

ворятъ о безмѣрномъ мордобитіи, привязываніи къ столбамъ на солнцѣ, отбитіи ушей нагайками, „всыпаніи" 400 палокъ, — чему дѣйствительно безсословно подвергались и солдаты, и крестьянинъ, и студентъ университета, и учитель гимназіи отъ назначенныхъ и самозванныхъ командировъ, изъ которыхъ иные, какъ напр. генералъ Новоселовъ, начинали мордобитіе еще съ дороги, съ Кишинева.—Въ послѣдніе мѣсяцы на тихомъ Дунаѣ, на Савѣ, Моравѣ шло такое мордобитіе, о какомъ уже даже и у насъ, въ внутреннихъ губерніяхъ въ послѣдніе года мало слышно было. Грубостямъ же и жестокостямъ подвергались и сербы и болгаре, подъ водомъ пріученія къ военному искусству. Наши бурбоны никакъ не могли взять въ толкъ, что серба точно надо обучить военному искусству, но нѣтъ надобности пріучать къ рабскому и церемонному отношенію къ офицеру, особенно на улицѣ, въ кафанѣ, словомъ внѣ службы, и начали учить сербовъ и болгаръ не столько дѣлу, сколько „знать начальство." Не только армейскіе бурбоны, а и свыкшіеся съ русскими порядками журналисты, въ родѣ васъ, не догадались или не знали, что у серба или даже болгарина и подъ гнетомъ весьма несложнаго, и при томъ чужого турецкаго ига сохранилось гораздо больше столько же сознательнаго, сколько и органическаго, свойственнаго „варварамъ," а особенно южнымъ племенамъ, чувства личной неприкосновенности,—чѣмъ у насъ, послѣ столькихъ вѣковъ подчиненія с в о е м у деспотизму, крѣпостному праву, табели о рангахъ, — что даже въ Турціи, благодаря ея магометанско-религіозному строю и первобытности формъ ея деспотизма, несравненно больше привычекъ равенства и безсословности, чѣмъ у насъ. Тѣмъ паче въ княжествѣ Сербіи, гдѣ цѣлыя поколѣнія не знаютъ крѣпостнаго права, ни даже дворянства, и гдѣ младшее поколѣніе воспиталось при дѣйствіи политической свободы. А наши бурбоны вздумали учить сыновъ „гайдуковъ" и „войниковъ" или гражданъ конституціоннаго государства — зуботычинами и палочьемъ!

Грубымъ самодурствомъ и надъ сербами и надъ русскими отличались, по разсказамъ, именно высшіе начальники, — какъ генералъ Дандевиль, агентъ столичнаго славянскаго комитета, состоявшій при штабѣ генерала Черняева, генералъ Новоселовъ, начальникъ ибарской арміи, г. Лашкевичъ, начальникъ отряда княгини Наталіи и т. п.

Вотъ это то бурбонство, презрѣніе къ чужой личности и національности да еще совсѣмъ не нужная даже для сербской простой, какъ и для русской, народной религіозности, парадно-архіерейская, византійско-московская помпа, съ чудовскими пѣвчими, — куда какъ умѣстная на полѣ битвы вообще, а особенно тамъ, гдѣ архимандриты командуютъ военными отрядами! — вотъ то „новое," что выставилось на верхъ у русскихъ добровольцевъ въ Сербіи и закрыло то доброе, что у нихъ было, — кромѣ, конечно, храбрости въ бою, которая не есть принципъ, а отъ весьма сложныхъ условій зависящее органическое явленіе, а потому въ данномъ случаѣ и не подлежитъ обсужденію *).

---

*) Разсказы и письма говорятъ также о денежныхъ „неаккуратностяхъ." или по просту о казнокрадствѣ многихъ завѣдывавшихъ деньгами, присылаемыми на волонтеровъ и госпитальными, о „вычетахъ," неизвѣстно въ чью пользу, о требованіи расписокъ на высшую сумму, чѣмъ та, которая выдавалась и т. п. При желаніи дойти до правды, редакторамъ газетъ не трудно провѣрить эти разсказы. Несомнѣнно, что иные изъ лицъ поставленныхъ во главѣ дѣла, напередъ были лишены довѣрія общества, знавшаго ихъ. Такъ напр. иные, присылавшіе пожертвованія, прямо говорили, что просятъ не давать ихъ г. Токареву, извѣстному своимъ поведеніемъ во время губернаторства въ одной изъ сѣверо-западныхъ губерній. Нарекація на ген. Комарова и штабъ ген. Черняева, наполненный матушкиными сынками и протеже великосвѣтскихъ славяноблаготворителей, неумѣлость которыхъ успѣла разозлить даже личнаго пріятеля Черняева, купца Хлудова,—проникли даже въ нашу печать. И всѣ эти обстоятельства, эта „неаккуратность" съ ввѣреннымъ обществомъ деньгами, эта сила рекомендацій изъ столичнаго большого свѣта, наконецъ эта быстрота, съ какою всплыли на верхъ повидимому чистаго славянскаго дѣла, тупицы-богомолки и ташкентцы-странники муравьевско-туркестанскіе,—вовсе не случайность, а неизбѣжная принадлежность турецкой Руси! Даже корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 292) желаетъ измѣненія порядковъ въ русскихъ госпиталяхъ въ Сербіи, находя въ нихъ „такія чиновническія условія при которыхъ не всякому пріятно въ нихъ работать," и наивно удивляется, что „вообще въ Сербіи никто не знаетъ, куда ушли деньги, обильно притекающія изъ Россіи, тогда какъ англійскія пожертвованія въ Сербіи можно сосчитать всѣ до копѣйки." Въ томъ то все и дѣло, что во всей Россіи господствуетъ „такіе чиновничьи порядки, при которыхъ не только работать нельзя пріятно," но просто жить нельзя, и въ томъ то и дѣло, что англичанами потому ведется счетъ деньгамъ общественнымъ всюду, что Англія государство конституціонное, въ которомъ общественный контроль постоянно повѣряетъ всѣ дѣла сверху до низу, а въ Россіи всякій чиновникъ, поставленный хоть на часъ, считаетъ себя калифомъ самодержавнымъ и безочетнымъ!

Впрочемъ главные, дававшіе тонъ, самодуры и бурбоны остались цѣлы. Но мы готовы даже согласиться съ тѣмъ, что всѣ наши добровольцы, не исключая и главныхъ бурбоновъ и даже часть тѣхъ, у которыхъ какъ то уплывали данныя имъ на партіи деньги, были „теплые ребята", „хорошіе люди". Но тѣмъ хуже для той Россіи, гдѣ они не выучились иному modus vivendi кромѣ башибузуцкаго мордобитія, раздаваемаго всякому подначальному, — не выучились уважать чужія народныя привычки, — тѣмъ хуже для васъ, господа монопольные руководители и выразители общественнаго мнѣнія въ этой Россіи, что вы, ни постоянной критикой внутреннихъ дѣлъ нашихъ, ни даже краткимъ напутствіемъ, разъясняющимъ общіе принципы служенія свободѣ, не подѣйствовали на воспитаніе этихъ теплыхъ ребятъ, этихъ несчастныхъ храбрецовъ, которымъ пришлось заплатить своими головами за медленность правительства въ отсылкѣ ультиматума Портѣ и послужить предположенному нашими правителями „обливанію холодною водою славянскаго энтузіазма въ Россіи". Они послужили къ охлажденію энтузіазма къ русскимъ въ Сербіи и Болгаріи!

Слова нѣтъ, — вся эта экспедиція нашихъ добровольцевъ не останется безъ слѣда въ дѣлѣ установленія тѣсной связи между славянами разныхъ племенъ. Кой чему изъ нея поучится и русское общество, въ томъ числѣ и пробамъ самостоятельной политической дѣятельности, особенно если не остановится на теперешнемъ моментѣ, а пойдетъ далѣе къ политической свободѣ. Но пока теперь, — сербы, которые, надо замѣтить, ждали и ждутъ, какъ и мы, да и вы, надѣемся, выступленія противъ турокъ русской арміи, а не нѣсколькихъ тысячъ волонтеровъ, имѣютъ основаніе сказать, что если они со стороны оффиціальной Россіи видѣли медленность, неискренность и наконецъ оскорбленіе, — то неоффиціальная Россія показала имъ не только примѣры русской щедрости, русской храбрости, русской готовности помереть за дѣло убѣжденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и русскихъ башибузуковъ, — что башибузуцкія привычки и инстинкты могутъ быть у многихъ даже порядочныхъ и добрыхъ сердцемъ русскихъ людей. Сербы и болгаре могутъ словомъ сказать, что они видѣли Русскую Турцію! Независимо отъ того иные откровенные сербы и теперь говорятъ, что „вы бы, господа, у себя прежде устроили ту свободу и благосостояніе, какія хотите доставить намъ, и какими у насъ, въ княжествѣ, мы

пользуемся въ такой мѣрѣ, что вамъ и нескоро достигнуть.“ И относительно княжества Сербіи, — это, конечно, безспорно вѣрно, — не смотря на его вассальную зависимость отъ Турціи.

А наши еще хотятъ освобождать братьевъ-славянъ и въ другихъ странахъ, кромѣ Турціи! Что касается до этихъ славянъ подъ Австро-Венгріей, Пруссіей, Румыніей или напр. въ частности до русиновъ (малороссовъ или украинцевъ) подъ поляками въ Галичинѣ, подъ Венграми въ Восточной Венгріи, подъ нѣмцами и молдаванами въ Буковинѣ, — то, какъ ни справедливы ихъ жалобы на національное притѣсненіе, какъ ни простительны ихъ надежды на Россію, какъ на возможную избавительницу (не такъ-то ужъ впрочемъ сильныя, какъ у насъ думаютъ, и слишкомъ часто подвергаемыя искушенію и разочарованію), — но теперь, пока господствуютъ у насъ теперешніе порядки, намъ, такимъ, какіе мы есть, смѣшно и заикаться объ освобожденіи этихъ „братьевъ“ *). Вѣдь теперь даже притѣсненный словакъ и

*) Кромѣ національныхъ есть въ нѣкоторыхъ и славянскихъ и неславянскихъ земляхъ, пограничныхъ съ Россіей, въ массѣ народа еще и соціальныя надежды, которыя тоже ничто иное, какъ только порожденіе недовольства настоящимъ, складывающееся по формулѣ: „гдѣ же лучше? — гдѣ насъ нѣтъ.“ Это совершенно особь-статья, и мы о ней не упоминали бы, если бы не предвидѣлась вѣроятность хотя слабаго повторенія опять полуславянофильской и четвертьсоціалистической фразеологіи о крестьянской миссіи Россіи, — фразеологіи, которая такъ шумно являлась на сцену въ 1863 — 65гг., когда даже въ „Голосѣ“ печатались въ пику „лехитскому элементу въ Польшѣ,“ — страницы будто изъ Колокола, а то изъ „Романовъ, Пугачевъ или Пестель“ Бакунина, или „Народъ и Государство“ Мартьянова. Фразеологія эта въ нашихъ газетахъ являлась съ той безцеремонной легкостью, къ какой способенъ только русскій публицистъ, который чувствуетъ, что на практикѣ ему не придется прикладывать своихъ словъ, — а со стороны чиновниковъ въ Польшѣ и Западномъ краѣ скоро, — послѣ полученія фермъ за службу, — окончилась весьма любезнымъ союзомъ чиновническаго, а дальше и антрепренерско-газетнаго демократизма со всякими противукрестьянскими элементами, шляхетскими, еврейскими и иными. Слабое подобіе этой фразеологіи видно и въ вашей газетѣ, въ статьяхъ о монархическо-крестьянскомъ русскомъ строѣ! Дѣйствительно, — народъ напр. въ Карпатахъ и отчасти и въ Молдавіи, надѣется, что если придетъ „московскій царь“ или „якійсь царь,“ то „панамъ и жидамъ не буде такої волі,“ — а то и раздѣлятъ землю по ровну. Но эти надежды совершенно одного рода съ толками о „слушномъ часѣ,“ „настоящей царской волѣ,“ которыя были и у крестьянъ въ Россіи и тѣми надеждами, что скоро царь будетъ землю дѣлить по-

даже румынскій жидъ пользуется большей свободой, не только личной, но и національной, чѣмъ въ Россіи не только полякъ, литвинъ, украинецъ, румынъ, грузинъ, — но даже чѣмъ членъ господствующаго великорусскаго племени, москвичъ, которому запрещала же полиція даже молебны у Иверской править за братьевъ-славянъ, или чѣмъ представитель „патріотической" русской печати, на котораго только подуетъ вѣтеръ изъ канцеляріи, — и весь его патріотизмъ, многолѣтній трудъ, имущество полетитъ, какъ карточный домъ. Казалось бы, что хоть это послѣднее не должно быть секретомъ для Васъ. Не вспоминая уже исторіи съ коршевскими „С. Петербургскими Вѣдомостями," — вѣдь должны же Вы помнить хоть распоряженіе редакціямъ газетъ, развезенное прошлою осенью, въ которомъ сказано было, что если газета пикнетъ по славяно-турецкому вопросу что либо несогласное съ тѣми безцвѣтными заявленіями, какіе были сдѣланы въ „Правительственномъ Вѣстникѣ," — то будетъ сейчасъ же закрыта, не дожидаясь даже 3-го предостереженія. Такъ вы ужъ сами сначала найдите секретъ, какъ освободиться самимъ, если вы недовольны моими секретами.

Я же не знаю, чѣмъ кончится теперешняя impasse orientale, — но знаю, что турецкіе порядки въ Россіи въ теченіи всего XIX в. были лучшею опорою турецкаго господства въ Константинополѣ, — не говоря ужъ о томъ, что они были и будутъ лучшимъ оправданіемъ послѣднихъ. Я не знаю, чѣмъ кончится теперешняя дипломатическая возня съ Турціей; я не берусь предсказать всѣхъ путей славянской свободѣ въ

ровну между всѣми,—которыя и теперь ходятъ напр. въ лѣвобережной Украинѣ. Это довольно серьезное явленіе, — и о немъ можно говорить, но, конечно, не съ петербургскими газетами; и, конечно, „слушный часъ," „настоящая царская воля" настанетъ въ Карпатахъ только тогда, когда „московскій царь" начнетъ дѣлить землю поровну и въ Россіи. Но кто же объ этомъ можетъ говорить, кромѣ крестьянъ въ Карпатахъ или въ Полтавщинѣ? Въ сколько нибудь образованныхъ слояхъ теперь общественные элементы такъ уже раздѣлились, что новое повтореніе мѣщанины 1863 — 65 гг. врядъ ли и возможно даже и въ такой степени, какъ тогда. Теперь соціалисты не напишутъ брошюръ вродѣ Бакунина и Мартьянова и, вѣроятно, ни „Голосъ," ни „Новое Время" не станутъ проповѣдывать ничего похожаго на соціализмъ не только въ Россіи, но даже въ Турціи и Австріи! А потому мы имѣемъ тѣмъ болѣе основаній не говорить здѣсь о соціальной сторонѣ славянскаго вопроса, а только объ одной національно-политической.

Константинополь, но знаю, что путь черезъ Петербургъ и Москву былъ бы путь вѣрный. Поставьте въ Россіи на мѣсто турокъ внутреннихъ самую элементарную человѣческую и національную свободу, — и турки внѣшніе, а дальше и всякая мадьяризація и германизація славянъ, всякая полонизація русиновъ и т. п., — не продержатся и трехъ дней. Я знаю также, что турка могутъ и не побить еще, а если побьютъ, то мы все таки останемся дома рабами турецкихъ порядковъ, если теперь повторимъ туже ошибку, которую сдѣлали многіе довольно даже благомыслящіе и неглупые люди во время польскаго возстанія 1863 г., — а именно, пустились звать общество къ ополченію на враговъ внѣшнихъ, не заручившись сначала, или не требуя хоть рядомъ съ этимъ, внутреннихъ учрежденій, политическихъ правъ, которыя одни могутъ обезпечить плоды и внѣшнихъ побѣдъ, если онѣ еще и будутъ. Въ 1863 г. впервые пошла въ ходъ подача патріотическихъ адресовъ, — и эти адресы были болѣе достойны развитыхъ людей, чѣмъ теперешніе: во многихъ изъ нихъ (тверскомъ, костромскомъ и даже петербургскомъ) были ясные намеки на конституцію, — и даже, въ отвѣтѣ на петербургскій адресъ, говорилось о томъ, что въ свое время представители страны будутъ призваны раздѣлить съ правительствомъ завѣдываніе государственными дѣлами, — и даже журналъ Каткова совѣтовалъ потопить польскій сепаратизмъ во всероссійской говорильнѣ. Въ 1863 — 65 гг. этими людьми, которые думали совмѣстить антипольское движеніе съ дѣломъ русской и даже все славянской свободы, воспользовались, но вовсе не для того дѣла, для котораго они думали служить, — вовсе не для освобожденія славяно - польскаго, литовскаго, бѣлорусскаго, украинскаго народа отъ паповъ и ксендзовъ, которые благополучно пережили грозу, — а для германизаціи Польши подъ покровомъ ея обрусенія, для подавленія свободнаго движенія и въ самомъ русскомъ обществѣ. Потомъ этихъ людей бросили, какъ выжатый лимонъ, и даже газета Каткова стала получать предостереженія, а потомъ сдѣлалась только лейбъ - органомъ гр. Дм. А. Толстого, — одного изъ самыхъ желательныхъ для польско - магнатской и остзейско - баронской партіи дѣятелей, потому что ей всего менѣе желательно народное образованіе въ Россіи; — введенныя прежде реформы начали урѣзываться, — и наконецъ вся Россія грянула въ то состояніе апатіи, какое мы видѣли въ послѣдніе годы и изъ кото-

раго многіе надѣются вывести ее черезъ войну съ Турками. На мѣсто же исполненія славянофильскихъ мечтаній явился „союзъ трехъ императоровъ," это повтореніе метерниховскаго священнаго союза, союзъ, въ которомъ прославленный русскій канцлеръ, представитель „національной русской и славянской политики" шелъ на помочахъ германизатора Бисмарка и мадьяризатора Андраши, а русскій посолъ въ Вѣнѣ, сотрудникъ славянофильской „Русской Бесѣды" помогалъ низверженію министерства Гогенварта, желавшаго сдѣлать уступку славянско-федеральнымъ требованіямъ чеховъ, — и славянская Россія потерпѣла полуторагодовую рѣзню сербовъ и болгаръ и теперь идетъ на какую то „административную для нихъ автономію," обезпеченную надзоромъ семи нянекъ, — шести великихъ державъ и седьмой — Турціи!

Все недавнее прошлое слѣдовало бы теперь же зарубить на носу, — чтобъ не повторить прежнихъ ошибокъ и упущеній, и по прежнему не остаться у себя дома ни съ чѣмъ,— и чтобы не обмануть и тѣхъ, въ комъ мы поддерживаемъ пылкія надежды. Зарубить себѣ это на носу слѣдуетъ прежде всего дворянскимъ, земскимъ, городскимъ собраніямъ, которыя теперь пишутъ патріотическіе адресы, да печати, которая ихъ вызываетъ и подхватываетъ; тѣмъ ученымъ, профессорамъ, которые принимаютъ теперь дѣятельное участіе въ публицистической агитаціи по славянскому вопросу, тѣмъ многочисленнымъ комитетамъ, собирающимъ пожертвованія и отправляющимъ волонтеровъ, развитымъ людямъ изъ этихъ волонтеровъ и ихъ близкимъ; — всѣмъ этимъ „представителямъ русскаго общества" слѣдуетъ каждому въ своей сферѣ поставить прямо, ясно и дружно вопросъ о политической свободѣ, безъ которой невозможно успѣшное движеніе Россіи ни внѣшнее, ни внутреннее. Если въ русскомъ обществѣ и печати есть хоть капля общественнаго развитія и достоинства, они должны это сдѣлать. Нечего обманывать себя софизмами, — что, молъ, „не время; дайте сначала внѣшнихъ враговъ одолѣть." Такъ обманывали себя и въ 1863 г., такъ обманывала себя и наполеоновская Франція. Мы не говоримъ, что нужно пользоваться временемъ, когда правительство нуждается въ общественной поддержкѣ для войны внѣшней. Въ настоящее время это соображеніе не идетъ къ дѣлу уже и потому, что правительство наше, очевидно, сдѣлало все возможное, чтобъ

затереть сербское возстаніе, сдержать сочувствіе русскаго общества къ возставшимъ, погубило столько сербовъ, болгаръ и русскихъ и уступило отчасти уже тогда, когда на карту была поставлена вся репутація Россіи, не только, какъ славянской земли, но и какъ великой державы; когда Турція дѣйствительно начала раздавать Россіи „оплеухи,“ — по оффиціальному выраженію, — и при томъ гораздо болѣе сильныя, чѣмъ тѣ, какія наше правительство скушало на здоровье во время кандійскаго возстанія. Мы говоримъ: давно уже нужно намъ было заставить наше правительство положить конецъ рѣзнѣ нашихъ братьевъ въ Турціи. Теперь же, когда оно, въ виду невозможности продолжать свою гибельную политику, выступило болѣе энергически, — нужно настоять, чтобъ господство турокъ на балканскомъ полуостровѣ было покончено разъ на всегда, и если для этого неизбѣжна война, то нужно обезпечить успѣхъ войны общественнымъ контролемъ надъ чиновниками; нужно сдѣлать всю внутреннюю и внѣшнюю политику страны дѣйствительно славянскою, народною, реформирующею и освобождающею! Нужно, словомъ, и для братьевъ и для самихъ себя устроить домъ, въ которомъ можно было бы жить хоть сколько нибудь по человѣчески и развиваться безпрепятственно. Ограничиваться одними заявленіями, что мы, молъ, готовы пролить кровь свою, если намъ это прикажутъ, значитъ повторять только фразы слугъ, а вовсе не гражданъ: мы давно ходимъ, куда прикажутъ; намъ вѣдь приказывали когда-то и спасать Турцію отъ египетскаго возстанія, для того чтобы „превратныя французскія идеи не свили себѣ гнѣзда въ Каирѣ.“ Насъ и теперь могутъ не повести противъ турокъ, могутъ и остановить на полдорогѣ въ Константинополь, могутъ ограничиться какой нибудь половинной „административной автономіей“ славянъ турецкихъ; наконецъ, послѣ всей нашей службы, у насъ все таки останутся дома турецкіе порядки.

Я думалъ, что если не все это, то хоть большая половина составляетъ азбуку для всякаго образованнаго человѣка, который хоть сколько нибудь жилъ и мыслилъ, но оказывается, что для васъ это—секретъ. Но если это такъ,—то я очень радъ открыть его вамъ. Очень радъ буду, если вы сможете „подѣлиться имъ съ публикой,“ хотя бы даже для

того, чтобъ высказаться о немъ отрицательнымъ образомъ. Если же окажется, что намъ съ вами еще рано до обсужденія въ Петербургѣ такихъ матерій даже въ формѣ пиѳическихъ рѣчей о томъ, что составляетъ аксіому для образованныхъ обществъ, то, по моему, гораздо достойнѣе молчать, чѣмъ съ развязнымъ видомъ говорить лакейскія рѣчи, — хотя бы, какъ мы готовы вѣрить, и съ благими намѣреніями.

М. Драгомановъ.

Женева.
1876 г., Ноября 27.

P. S. Теперь событія идутъ скоро даже для неповоротливой Россіи. Пока печаталась наша брошюра, мы прочитали три извѣстія изъ числа тѣхъ, какія обращаютъ на себя больше вниманія.

Первое изъ нихъ—объ энергическихъ мѣрахъ для сосредоточенія войскъ у Прута, не заставляетъ, впрочемъ, насъ взять ни слова назадъ изъ того, что мы говорили о необходимости общественнаго контроля надъ исполнительною властію и въ военное время, если оно наступитъ. А кромѣ того даже это сосредоточеніе войскъ на Прутѣ не исправляетъ ошибки допущенія турокъ до взятія алексинацко-делиградской позиціи. Если, въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, турки успѣютъ опустошить половину Сербіи, и Бѣлградъ займутъ австрійцы, прежде чѣмъ русская армія дойдетъ до Дуная, то въ этомъ никто не будетъ виноватъ больше, чѣмъ наше правительство.

Второе — извѣстіе, что князь Черкаскій предназначается для устройства аграрныхъ отношеній въ Болгаріи заставляетъ спросить: будетъ ли продолжаться преслѣдованіе всякаго намека на демократизмъ и соціализмъ въ Россіи въ то время когда кн. Черкаскій будетъ прилагать за Дунаемъ московско-славянофильскій „полусоціализмъ" и не заведется ли рядомъ съ оффиціозными Гракхами за Дунаемъ новое изданіе такой же оффиціозной „партіи Вѣсти", которая на этотъ разъ, кромѣ русскихъ олигарховъ, и остзейскихъ бароновъ, и польскихъ магнатовъ, приметъ въ свою среду

еще и турецкихъ беговъ, при чемъ фанаріотскіе греки будутъ связью этаго новаго задунайскаго „охранительнаго элемента" съ петербургскими ханжами большаго свѣта?

Третье — о намѣреніи турецкаго правительства представить искъ русскому правительству за убытки, причиненные Турціи русскими добровольцами, которыхъ русское правительство должно было, на основаніи статьи Свода Законовъ, сослать въ Сибирь за поступленіе, безъ особаго Высочайшаго разрѣшенія, въ службу иностраннаго государства. Русскія газеты смѣются надъ этимъ искомъ, котораго, конечно, Турція не выиграетъ, но только потому что никакой окружной судъ его не приметъ. А прими его кто нибудь, — то Турція непременно выиграла бы — и будь русскіе публицисты болѣе политически развиты, они бы воспользовались и этимъ случаемъ, чтобы указать еще разъ на устарѣлость русскихъ крѣпостныхъ отношеній гражданъ къ государству и на несоотвѣтствіе этихъ отношеній съ интересами даже этаго послѣдняго. Вѣдь къ Англіи подобнаго иска предъявить нельзя, именно потому что англичане по конституціи имѣютъ право ѣздить безъ паспортовъ за границу и дѣлать тамъ съ собою, что имъ угодно.

Вообще эти новые факты, о которыхъ мы упоминаемъ въ этомъ post scriptum'ѣ, какъ и всѣ тѣ, о которыхъ мы говорили въ брошюрѣ, показываютъ только всю неповоротливость и непригодность русскаго политическаго строя не только для жизни въ немъ народа, но даже и для интересовъ государства. Судьба поставила московскому царству изъ котораго выросла теперешняя россійская имперія, совершенно революціонныя задачи по всей западной линіи, отъ остзейскаго края, до Чернаго моря, — гдѣ на разныя родственныя и неродственныя великоруссамъ народныя массы и національности, легли чужія династіи, племена-сословія, духовенства.

Какая есть возможность исполнять освобождающія, совершенно революціонныя задачи, политическія, національныя и даже соціальныя и анти-клерикальныя, государству, сохранившему весь неуклюжій средневѣковый, полуазіатскій строй самодержавно-клерикальнаго боярскаго царства, заимствовавшаго изъ европейскихъ своихъ отношеній только тормаза нѣмецкой дружбы, утонченное французско-бранденбургское чиновничество да пониманіе принципа національности въ видѣ насильственнаго „обрусенія"?

Изъ этихъ противурѣчій происходитъ нѣчто до того сумбурное и во внѣшней и внутренней политикѣ, — такая путаница, что ея не вынесетъ ни одна маломальски образованная и логическая голова. Одна политическая свобода можетъ открыть хоть начало выхода изъ этаго невыносимаго „заколдованнаго" круга.

М. Драгомановъ.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.